

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ

Э.А.Паин

В современном политическом лексиконе понятие - "переходный период" - едва ли не самое модное. Что это означает применительно к процессу становления российской государственности? Укрепится ли Россия как независимое государство или энергия россиян сосредоточена на восстановлении Союза? Преодолеет ли Российская Федерация дезинтеграционные тенденции? Переходит ли Россия к новому этапу формирования и консолидации общероссийской нации или в ней возобладает этноцентризм, национальный шовинизм?

Поставленные вопросы показывают, что из всего множества проблем, относящихся к процессам становления российской государственности, в данной статье выделяются три основных: завершение процесса обретения Россией реальной независимости (провозглашение суверенитета государства является лили, началом этого процесса); поддержание территориальной целостности государства; обеспечение этнополитической стабильности.

1. КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИИ ИЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЮЗА

К концу 1991 г. на территории всего бывшего Союза наблюдался повсеместный подъем национальных движений. Во многих союзных республиках к власти пришли новые политические элиты, ставившие своей целью выход из СССР. Жители всех республик искренне верили, что с ликвидацией "грабительского" Центра жизнь автоматически улучшится. Уже к середине 1991 г. практически не существовало сил, которые могли бы сдержать дезинтеграционные процессы: после автономизации союзных компартий фактически распалась КПСС, жестко контролировавшая управленческие связи, скреплявшие СССР; ослабли силовые структуры, генералитет (и большая часть офицерского корпуса) отказывались использовать " армию для противодействия республиканскому сепаратизму; отсутствовала, усиливаясь "афганским синдромом", общественная поддержка военных акций, направленных на насильственное предотвращение прихода к власти в республиках национальных движений.

Отсутствие массовой поддержки августовского (1991 г.) путча, как попытки реставрации унитарного советского государства, спровоцировало резкое усиление центробежных тенденций в ближнем зарубежье. Задолго до Беловежского Соглашения в большинстве союзных республик были приняты декларации о государственном суверенитете, а после всеукраинского референдума о независимости (1 декабря 1991 г.), на

котором за независимость Украины выступили даже "русскоязычные" регионы (включая Крым) — распад СССР был predetermined. Однако эйфория по поводу вдруг обретенной государственной независимости быстро миновала в большинстве республик, и раньше других — в России. В июне 1991 г. Верховный Совет РСФСР почти единодушно принял "Декларацию о государственном суверенитете", а затем ратифицировал Беловежское соглашение, ныне же наиболее горячие головы в Думе предлагают это соглашение денонсировать. В ноябре 1991 г. (т. е. еще до официального роспуска Союза) 65% опрошенных на вопрос: "Продолжает ли СССР существовать как единое государство?" ответили отрицательно. Но уже в 1992 г. социологические исследования того же ВЦИОМ зафиксировали нарастание ностальгических настроений россиян по СССР. Постепенно стали вызревать и различные политические концепции его возрождения (реинтеграции), то ли в прежних границах, то ли без Балтии; в его унитарной форме, либо как конфедерации.

Можно выделить по крайней мере два подхода к идее восстановления СССР: откровенно "реваншистский" и более уважаемый "реинтеграционный". Логика "реваншистского" подхода такова:

во-первых, распад СССР и становление независимых государств в рамках пост — советского пространства — процесс искусственный и незаконный ("...нынешняя Российская Федерация — это еще не вполне Россия, а с кровоточащими разорванными связями. Без ...воссоединения ныне разделенного русского народа наше государство не поднимется с колен.") (1);

во-вторых, Россия — это империя в границах как минимум СССР либо Российской империи ("Нам нужна Россия — Отечество для всех, хорошо бы в границах 1900 года, если нет, то в границах 1977 года" (2); и "...Россия — это империя от Владивостока, и как, вы говорите, даже до Белграда") (3);

в-третьих, основной силой, с помощью которой можно восстановить Союз, является русская диаспора в "ближнем зарубежье" ("Они же есть везде русские люди. Они нам и показывают скелет будущего государства") (4);

в-четвертых, восстановление государственности и воссоединение разделенного русского народа должно базироваться на "русской идее" с чеканным триединством российского имперского лозунга "Православие, Самодержавие, Народность" ("...восстановив русскую идею, мы сможем наконец гармонично соединить искусственно расчлененное историческое Отечество") (5),

и, наконец, в-пятых, имперский подход не исключает возможности восстановления Союза военным путем и, по крайней мере, возможность военной защиты 25 миллионов русских в ближнем зарубежье ("...Третья мировая война для нас, русских, уже давно началась") (6). "Соратник, являясь полномочным представителем Русской Нации, обязан восстанавливать справедливость в отношении Русских людей своей властью и своим оружием, не обращаясь в судебные и иные инстанции") (7).

Авторы второй из упомянутых концепций — реинтеграции — и не скрывают, что она представляет собой российский вариант неоимперской "доктрины Монро", предусматривающий закрепление политического до —

минирования России в постсоветском пространстве методами экономического и политического давления (8).

При различии предполагаемых темпов, форм и методов объединения государств постсоветского пространства, общими для различных концепций — радикальной имперской и "респектабельной" реинтеграционной — являются не только взгляд в прошлое и соответствующая терминология ("воссоздание", "воссоединение"), но и реваншистские цели, которые обе концепции пытаются навязать внешней политике России. К числу таких целей относятся: отказ от признания территориальной целостности новых государств, в том числе и России, и взгляд на страны СНГ как на российскую периферию, нуждающуюся в ее патронаже. Разумеется, эти доктрины вызывают недовольство у политических элит государств СНГ и упреки России со стороны Запада в возрождении имперских амбиций (9). Однако представляет интерес и то, в какой мере упомянутая доктрина отвечает внутренним экономическим и политическим интересам самого российского государства. Важно определить и природу ностальгических настроений, проявляющихся как в российском обществе, так и в ряде других. Что это: обычные колебания политического маятника или долговременная тенденция, обусловленная принципиальной неспособностью бывших советских республик к самостоятельному независимому развитию?

Еще Советский, но уже не Союз

Казалось бы, немало примеров подтверждают, что ноша независимости далеко не всем молодым государствам оказалась по силам. Вместе с тем, проблемы, с которыми столкнулись бывшие республики СССР, вовсе не были предопределены самим фактом их независимости и связанными с этим переменами. Напротив, чем больше признаков советского строя, советского образа жизни и сознания сохраняло общество в той или иной республике, тем меньше оно демонстрировало способности к самореформированию и к независимому развитию.

Лишь Эстонии и Латвии удалось сравнительно последовательно провести рыночное реформирование своей экономики. Успехи этих государств в решении задач стабилизации уровня цен и валютного курса во многом заложили основы ослабления их экономической зависимости от России. Так, во внешнеэкономических связях Эстонии в 1994 г. на первое место вышла Финляндия, отеснив Россию. Такая же тенденция, но с наилучшими перспективами для Германии проявляется во внешнеэкономическом развитии Латвии. Существенно выше экономическая зависимость от России у Литвы, что в немалой мере обусловлено менее последовательным, чем в других балтийских государствах, курсом на проведение рыночных реформ: более мягкой кредитно-денежной политикой, попытками государственного контроля цен и дотирования неэффективных производств во избежание безработицы. Это сближает Литву с Россией.

Здесь, после августовских событий, реформаторскому крылу советской политической элиты удалось на какое-то время консолидировать общество, зародить в массовом сознании веру в полезность либеральных реформ и решить основные либерализационные задачи, (насытить то-

варный рынок и стабилизировать рубль). Однако объективные трудности адаптации общества к новым условиям, а также значительное усиление, уже к середине 1992 г., антиреформаторской оппозиции, политическим штабом которой стал бывший Верховный Совет РФ, не позволили добиться серьезных позитивных успехов в процессе экономической стабилизации. При этом те самые политические силы, которые препятствовали проведению реформ, сегодня пытаются доказать "принципиальную неспособность новых государств к независимому развитию".

Во всех прочих государствах постсоветского пространства и вовсе отсутствовали признаки последовательной реформаторской политики. Самые выразительные примеры тому — Украина и Беларусь. В практике украинских псевдореформ воплотилось все, к чему призывала российская антиреформаторская оппозиция: вялотекущая приватизация и финансовая поддержка неэффективных предприятий, искусственное сдерживание движения цен, социальные программы, не увязанные с экономическими возможностями, и к тому же огромные расходы на содержание одной из самых больших в Европе армий. Все это привело Украину к гиперинфляционной ситуации, и мощным стимулам к вывозу всего, что производится на Украине, а также к бегству капитала в другие государства с более последовательной политикой. В результате такой политики зависимость этого государства от России с 1991 г. даже возросла. Так, даже после существенного снижения квот поставок Россия в 1992 г. обеспечивала 65% потребностей Украины в нефти, 55% — в газе и 100% — в зерноуборочных комбайнах. Превышения поставок из России над украинским экспортом в Российскую Федерацию выразилось в 1993 г. в сумме 1.9 трилл. руб. (10).

Мир, сложившийся на развалинах СССР, все еще советский, но только в Средней Азии попытки реанимации советской системы, слегка модифицированные примесью национального традиционализма, стали основой государственной политики. В некоторых государствах, опирающихся на мощные сырьевые ресурсы (Туркмения), частично удалось реставрировать советскую модель развития. Однако даже пример Туркмении доказывает крайне ограниченные возможности сохранения административной экономики в одной отдельно взятой стране (или регионе) постсоветского пространства — слишком зависимы эти государства от европейских членов СНГ, особенно от России. Стоило последней ввести собственную денежную единицу и тем самым перекрыть канал финансирования расточительных социальных программ, осуществляемых за счет эмиссии среднеазиатскими странами российского рубля, как тут же выявилась призрачность туркменского "экономического чуда", а другие государства были поставлены на грань экономической катастрофы. Это усилило политическую зависимость всех государств региона от России, а обескровленный гражданской войной Таджикистан перешел на ее полное экономическое обеспечение.

Российские сторонники реинтеграции, оказывая поддержку тем политическим силам в других станах СНГ, которые ориентированы на вялотекущие реформы или на полный отказ от них, таким образом, сами же и инспирируют неспособность молодых государств к самостоятельному экономическому развитию. Нет необходимости доказывать преимуще-

ственную ориентацию российской политической оппозиции на просоветские силы в Центральной Азии и в Закавказье, в Молдове и восточных областях Украины. В отношении же Беларуси концепция подстегивания реинтеграции приобрела в последнее время черты государственной политики, что выразилось в чисто политическом решении о подписании в апреле 1994 г. пакета документов о возможном объединении денежных систем России и Беларуси. Предполагалось, что эта акция, помимо всего прочего, укрепит позиции пророссийски ориентированных сил (прежде всего, премьера Вячеслава Кебича) на предстоящих президентских выборах.

Фактором искусственного ограничения независимости ряда государств СНГ и давления на них с целью принуждения к реинтеграции явились попытки достаточно влиятельных политических и экономических группировок России противодействовать планам транспортировки казахстанской и азербайджанской нефти через Турцию, заключению Казахстаном и Азербайджаном соглашений с западными компаниями относительно разработки месторождений нефти и т.д.

У государств, переживших этнополитические войны (Молдова) и тем более вовлеченных в них до сих пор (Азербайджан, Армения, Грузия, Таджикистан) — наименьшие возможности для самостоятельного политического и экономического развития. Военные поражения и экономические кризисы вынудили властвующие элиты Азербайджана, Грузии, Молдовы изменить свой прежний внешнеполитический курс и в поисках военной и экономической поддержки Москвы согласиться на вступление их государств в СНГ. Однако отсюда, на мой взгляд, не стоит делать вывод, что после возвращения в Содружество этих государств дезинтеграция в СНГ необратимо сменилась реинтеграцией. Возникновение разрушительных войн на территории названных государств, хоть и было обусловлено, главным образом, внутренними причинами, однако немалая доля вины за эскалацию этих конфликтов лежит и на неоимперских силах России, поддержавших сепаратизм руководителей Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья и Нагорного Карабаха. Широко известны также и неоднократные попытки бывшего Верховного Совета сорвать достигнутые на переговорах мирные договоренности, и непосредственное участие российских граждан в боевых действиях на стороне одной из сторон конфликта, и тот несомненный факт, что на вооружении у сторон конфликтов российское оружие, пусть и доставшееся им не всегда по официальным каналам. Поэтому возвращение этих государств под опеку Москвы вовсе не воспринимается в республиках как добровольное, принудительные же союзы редко бывают долговечными, и если во взаимоотношениях России с другими членами Содружества будет заметно стремление Москвы к политическому доминированию, сохранятся методы экономического и военно — политического давления, то волна недоверия к России, пройдя период спада, может возродиться с новой силой.

Еще опаснее для России были бы ее попытки манипулировать этническим сепаратизмом в новых независимых государствах. Он увеличивает потоки беженцев на территорию Российской Федерации, усугубляет опасность ее вовлечения в вооруженные конфликты и распространения этнического сепаратизма в самой России.

На мой взгляд, сторонники реинтеграции выдают желаемое за действительное, говоря о якобы всеобщем стремлении населения государств СНГ вновь вернуться под покровительство России. Кроме того, в постсоветских государствах, решающая роль в принятии подобных решений принадлежит политической элите, а уж она вряд ли добровольно согласится уступить свою власть Москве.

Но даже если бы случилось невероятное и все народы и государства Содружества дружно запросились бы в конфедерацию под эгидой Москвы, то в этом случае именно России пришлось бы нести основное бремя экономических и политических потерь от подобного объединения.

Так, по оценке Международного валютного фонда, потери России от ценовой дотации странам СНГ только от продажи энергоносителей ниже мировых цен составили в 1992 г. 12 млрд. долларов, и лишь в 1993 г. положение стало меняться к лучшему — цены приблизились к мировым (11). В целом же расходы России, обусловленные внеэкономическими целями поддержания политики реинтеграции, поглотили, по данным А. Загорского, в последние годы, по разным оценкам, от 10 до 20% ее ВВП (12).

Наибольшую заинтересованность в государственном покровительстве связей в СНГ проявляет лобби государственных промышленных предприятий, которое использует для этого те же методы, что и во внутророссийской торговле — поставки в кредит с последующим требованием оплаты из российского бюджета. Это же лобби заинтересовано во внеэкономическом вытеснении третьих стран с рынков СНГ. Однако отсутствие конкурентов, сохранение нетребовательных потребителей и неразвитых рынков не создает стимулов для модернизации производства в России и диверсификации рынков сбыта для российских товаров.

Таким образом, политика реинтеграции пост—СССР, понимаемая как воссоздание единого государства, в нынешних условиях противоречит задачам экономического развития России, требуя огромных государственных расходов на искусственное поддержание реинтеграционных процессов и сдерживая модернизацию тех предприятий, которые рассчитывают на покровительство российского государства для сохранения своего монопольного положения на рынках стран СНГ.

За время существования новых независимых государств достаточно отчетливо выявились существенные различия в реально принятых в них моделях политической самостоятельности. Эти различия обусловлены прежде всего разным уровнем политической культуры населяющих территорию бывшего СССР народов, неодинаковой мерой полиэтничности состава населения новообразованных государств и различной степенью толерантности межэтнических отношений. Кроме того, сыграло свою роль и наличие у правящих элит политической воли к демократическому реформированию общества.

Сравнительно устойчивая политическая ситуация, опирающаяся на сложившуюся структуру политических партий в постсоветском пространстве, сложилась лишь в государствах Балтии. С некоторыми оговорками, к политически стабильным государствам демократического типа можно отнести и Армению, по крайней мере, политическая борьба здесь в целом не выходила за рамки обычной для демократических обществ парламентской полемики.

Совершенно иная политическая ситуация сложилась в других странах постсоветского мира. Государства, раздираемые гражданскими войнами, борьбой региональных, этнических, криминальных группировок, и страны, в которых видимая политическая стабильность опирается на режим личной власти и поддерживается жестким подавлением оппозиции, представляют собой два полюса постсоветского мира. Между ними разместились большая часть государств СНГ (Россия, Украина, Беларусь, а также Молдова, Кыргызстан и Казахстан), где сложился режим неустойчивой демократии с авторитарными тенденциями.

В большинстве государств этого типа в качестве парламентов действуют Верховные Советы. Политические фракции в них складывались уже в ходе работы парламентов вокруг отдельных личностей либо по профессиональному признаку (что особенно характерно для Молдовы), либо по регионально — клановому и этническому (Кыргызстан, Казахстан). Постепенно парламенты превратились в замкнутые политические корпорации, в "квазипартии", вступившие в политическое противоборство с "партией исполнительной власти", возглавляемой президентом или — в отсутствие такового, как в Беларуси — главой правительства.

Не трудно представить себе, сколь "эффективно" может действовать парламент единого государства, скажем, Евразийской конфедерации, если законодательные органы входящих в него государств не в состоянии наладить обычные рабочие связи с исполнительной властью даже на национальном уровне. Понятно и то, сколь незначительным может быть влияние конфедеративного органа законодательной власти, учитывая, что даже внутри государств их функции урезаются, а судьба самих парламентов остается крайне неопределенной. В России после октябрьского мятежа парламент был распущен указом Президента, в Казахстане и Молдове — принужден к самороспуску, на Украине — уже в начале 1994 г. переизбран.

Конфедерация, объединяющая разнородные и крайне неустойчивые политические системы, сложившиеся в разных государствах Содружества, в нынешних условиях была бы заведомо неуправляемой да и нежизнеспособной. СНГ — тоже достаточно аморфное образование, но все же важнейшие решения в нем принимаются главами государств, имеющими неоспоримо больше реальных полномочий, чем некий избранный наднациональный орган управления.

Меньше других должна быть заинтересована в таком объединении Россия: ей пришлось бы приспособливать свою политическую систему к тем моделям, которые сложились в других государствах, отказываясь зачастую даже от слабых ростков демократии, зародившихся в пост-тоталитарный период. Различия политических систем к тому же могут увеличить и без того значительную политическую нестабильность в России. В этом случае наверняка усилятся в России авторитарные тенденции и неразрывно связанные с ними неоимперские ориентации

Уже не Союз — еще не Россия

Едва ли не главным доводом российских сторонников реинтеграции в пользу этой концепции является их утверждение, что подобное объединение вернет России ее прежнее место в мире как великой державы. Вот один из характерных примеров подобных рассуждений: "если Российская Федерация не будет лидером в своем регионе мира, то ей давно не стать державой подлинно мирового калибра" (13).

Расширяется круг политических деятелей и экспертов, которые настаивают на необходимости развивать с государствами "ближнего зарубежья" особые отношения, рассматривать их не только как зону жизненных интересов России, но и сферу ее исключительного влияния (14).

Разделяю мнение А. Загорского, который полагает, что стремление самоутвердиться в "ближнем зарубежье" является своеобразным выражением комплекса неполноценности, развившегося у части российской общества под влиянием осознания реальной слабости современной России, утратившей решающее влияние на глобальные процессы (15). При этом в наибольшей мере такой психологический стереотип характерен для политической элиты и, судя по материалам опросов, проведенных ВЦИОМ, значительно меньше проявляется в массовом сознании.

Так, на вопрос: "Как Вы считаете, каким путем должна идти Россия, чтобы вернуть себе статус великой державы?" подавляющее большинство (65,2%) ответили в конце 1993 г.: "Развивая собственную экономику, ускоренными темпами проводя экономическую реформу" (16). За объединение бывших союзных республик вокруг России как условие возрождения ее величия высказывается чуть более четверти опрошенных; и совсем мало тех, кто связывает подобные надежды с укреплением вооруженных сил "как фактора стабильности на территории бывшего Союза" (5,3%).

За время, протекшее после распада СССР, произошли изменения и в менталитете русских. Судя по материалам этносоциологических исследований середины 1991 г., русские по способу своей национальной — государственной идентификации отличались от подавляющего большинства так называемых "титულных народов" (т.е. давших название одной из республик) бывшего СССР. Если узбеки, грузины, эстонцы и другие считали своей родиной одноименную республику, то около 80% русских, проживавших как в России, так и в союзных республиках, называли своей родиной весь Советский Союз (17). Однако, постепенно традиционный тип государственной самоидентификации русских ослабевал — стала проявляться их некоторая отчужденность от территорий, волею истории превратившихся в "ближнее зарубежье".

Это проявилось прежде всего в ослаблении интереса россиян к событиям, происходящим за пределами республики. Например, лишь 21% русских в конце 1993 г. отмечали, что ощущают значительный интерес к тому, что происходит в родственной Украине. Уровень же информационной отчужденности к другим республикам был еще выше и особенно по отношению к так называемым "горячим точкам", в данном случае срабатывал естественный механизм психологической защиты.

Существенно уменьшилась доля лиц в составе населения России, ощущающих свою практическую связь с другими государствами постсоветского мира (см. табл.1).

Таблица 1

Связана ли лично Ваша сегодняшняя жизнь с другими республиками бывшего Союза? (% опрошенных)

да, в значительной мере	16,7
да, в незначительной степени	17,8
практически нет	59,2
затрудняюсь ответить	6,3

Помимо того, что более половины россиян не ощущает своих связей с другими странами на территории бывшего СССР, возрастает избирательность их отношения к этим странам (см.табл.2)

Таблица 2

С какими из бывших республик бывшего Советского Союза следовало бы, на Ваш взгляд, в первую очередь развивать отношения России? (% опрошенных)

Украина	70,2
Беларусь	42,8
Казахстан	42,3
Балтия	13,7
Молдова	4,8
Азербайджан	1,9
Армения	2,4
Грузия	3,8
Узбекистан	4,8
Кыргызстан	1,4
Таджикистан	0,7
Туркмения	0,5

Материалы социологических исследований, на мой взгляд, достаточно выразительно указывают ту геополитическую зону, с которой хотели бы иметь преимущественные связи большинство россиян. Это прежде всего славянские страны: Украина и Беларусь, а также Казахстан (думаю, что в последнем из названных государств россиян в наибольшей мере привлекают связи с его северными территориями, где преобладает славянское население). Заметно преобладание европоцентристских ориентации россиян. За пределами основного ядра их интересов наиболее привлекательными для них являются Балтия и Молдова, и это несмотря на то, что государства Балтии чаще других обвиняются прессой в дискриминационном отношении к русским. Крайне слабый интерес проявляют россияне в развитии связей с Закавказьем, при этом христианские Грузия и Армения более привлекательны для них, чем Азербайджан. И наи-

меньший интерес опрошенные проявили к развитию связей со Средней Азией.

Итак, в зону актуального интереса россиян входит менее трети республик, составлявших Советский Союз. Иными словами, пространство актуальных геополитических интересов россиян — это уже не СССР, но еще не Россия. Я говорю "еще" потому, что замечен процесс дальнейшего сужения зоны жизненных интересов россиян.

Их массовое сознание сегодня находится под влиянием двух противоположных и отчасти противоборствующих социально — политических тенденций. С одной «стороны, растет неудовлетворенность жизнью, что усиливает ностальгические настроения в обществе если в 1993 г. сожалели о распаде СССР 66% опрошенных, то в 1994 г. их доля выросла до 73%; с другой стороны, увеличивается прагматичность россиян, растет их погруженность во внутренние, прежде всего экономические проблемы, падает интерес к внешней политике. При этом символические ценности и интересы (ностальгия по СССР) явно не выдерживают конкуренции с прагматическим (опасения высоких затрат на восстановление Союза и, особенно, опасения быть вовлеченными в военные действия в связи с реинтеграцией). Поэтому сожаления о распаде Союза лишь в сравнительно редких случаях побуждают людей стремиться к его восстановлению.

Стоило лишь упомянуть в прессе о высоких затратах России, связанных с объединением денежных систем Российской Федерации и Беларуси, как число поддерживающих идею объединения даже с этой самой брацкой из всех республик резко сократилось.

Крайне негативно относятся россияне к участию их страны в военных действиях. На вопрос: "Какую принципиальную позицию должна занимать Россия в отношении межнациональных конфликтов в других республиках СНГ?" лишь 6% ответили: "Решительно вмешиваться с привлечением вооруженных сил", подавляющее же большинство (47%) полагает, что лучше совсем не вмешиваться или, по крайней мере, "действовать дипломатично, примиряя противоборствующих". В этих ответах проявилась еще одна особенность современного массового сознания россиян — положительное отношение к политической умеренности и опасения политического радикализма. Косвенным подтверждением справедливости такого вывода могут служить ответы на вопрос: "Если в ближайшее время состоятся выборы в новый парламент России, за какого кандидата Вы бы предпочли голосовать?" 25,5% ответили: "За сторонника воссоздания Союза", а большинство (51,5%) предпочли бы "Сторонника независимого развития России".

Таким образом, концепция реинтеграции, как и всякая другая идея реставрации истории, не жизнеспособна. Для ее реализации в России нет необходимых ресурсов, политической воли руководителей, психологической готовности населения. В то же время идеологические споры вокруг этой концепции увеличивают муки и без того трудного, болезненного процесса адаптации россиян к новому пространственному телу нации в границах нынешней Российской Федерации.

Может возникнуть вопрос: "А зачем вообще нужна такая адаптация к новым геополитическим условиям?" Да хотя бы потому, что только в России русские обретают для себя наиболее оптимальную этнокультурную

среду, только здесь они составляют абсолютное большинство населения (82,6%) и к тому же живут в государстве, более 90% граждан которого считают русский своим родным языком. Если бы они остались в составе СССР, то уже в начале XXI в. превратились бы в этническое меньшинство в силу отставания их демографического воспроизводства от аналогичных процессов у народов Средней Азии и Закавказья.

Утверждение о том, что современные нации формируются не по этническому принципу, а как согражданство, справедливо в том смысле, что ни один народ в данном государстве не должен иметь каких-либо преимущественных прав, привилегий. В то же время подавляющее большинство современных наций сформировались на основе некоей преобладающей этнической культуры, задающей языковые и морально-психологические нормы, цементирующие нацию. Даже в США, известных как "плавильный котел" для множества этнических групп, переселившихся в Америку с различных континентов, большинство населения говорит не на искусственном языке эсперанто, а на естественном, заданном этническим большинством — англо-саксами. Еще в большей мере подобная культурная норма присуща государствам Старого Света. Поэтому с точки зрения законов формирования и развития наций распад СССР не был случайностью, историческим произволом и тем более следствием "вражеского заговора" — это был исторически естественный процесс, осознание и адаптация к которому заведомо предпочтительнее для любого народа, чем существование в иллюзорном мире.

А как же быть с интеграцией государств, необходимость которой было бы нелепо отрицать?

Сошлюсь на мнение известного специалиста, заместителя министра Минсотрудничества В.Кириченко, подготовившего фундаментальный доклад по этому вопросу. Он считает, что ныне можно говорить о начале нового этапа в развитии Содружества Независимых Государств. Он провозглашен подписанием Договора о создании Экономического союза (24 сентября 1993 г., г. Москва). В нем в качестве перспективной цели выдвинуто воссоздание на новых рыночных основах единого экономического пространства, где свободно перемещаются товары, услуги, капиталы и рабочая сила. К Договору присоединились все страны СНГ, в том числе и Украина на правах ассоциированного члена.

В Договоре заложен принцип поэтапности формирования такого сложного механизма, как реально действующий полномасштабный экономический союз. Каждый этап должен быть всесторонне подготовлен на основе взаимной заинтересованности с учетом реальной ситуации, перепрыгивать через этапы нельзя. Реализация поэтапного подхода предполагает прежде всего движение от простого к более сложному, от относительно элементарных форм интеграции к более развитым и глубоким, скажем, от мультивалютной денежной системы валютному союзу, от отношений по принципу свободной торговли через Таможенный союз к общему рынку.

Известный историк М.Гефтер недавно высказал мысль о том, что у современной России, возможно впервые, появился шанс развиваться без революций. Между тем, революционное воссоздание Союза не чуть не лучше его революционного разрушения.

2. КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ РАСПАД РОССИИ

После распада СССР вопрос о том, повторит ли Россия путь Советского Союза, стал едва ли не риторическим. Мрачные сценарии дезинтеграции Российской Федерации, сопровождающиеся этническими и региональными конфликтами, в изобилии стали появляться на страницах как массовых газет и журналов, так и научных изданий (18). И определенные основания к тому были.

На территории России проявились, хоть и в менее острой форме, чем в других новых независимых государствах, четыре основных типа национально — государственных противоречий:

— между федеральной властью и республиками в составе федерации по вопросу о суверенитете бывших национальных автономий;

— между субъектами федерации: а) национально-государственными образованиями (республиками) и территориально-административными (краями, областями) — по вопросу о статусе; б) между любыми из них по территориальным вопросам (примером может служить конфликт между Ингушетией и Осетией из-за спорного Пригородного района);

— межобщинные этнические противоречия и конфликты внутри республик, краев и областей (например, между многочисленными народами Дагестана, между основными этническими общностями Кабардино-Балкарии, между татарами и башкирами в Башкирии, проявляются подобные противоречия и в ряде других республик);

— межличностные этнические противоречия в поселениях различного типа (обычно между представителями этнического большинства и дисперсно расселенных меньшинств), связанные в основном с этнической конкуренцией на рынке труда в городах, с земельными спорами в сельской местности и общим обострением этнофобии. В центральной России, начиная с 1991 г., в наибольшей мере проявились антикавказские настроения, реже (но в острой форме локальных столкновений) — антицыганские; сохраняется потенциальная опасность всплеска антисемитских выступлений, а в ряде республик заметна русофобия.

Как известно, противоречия (точнее — конституционные кризисы) между Центром и союзными республиками были одной из основных причин распада Союза, а между центральной властью и национальными автономиями — причиной дезинтеграции новых независимых государств и острейших вооруженных конфликтов: нагорно-карабахского, юго-осетинского, приднестровского, абхазского. И в Российской Федерации в той или иной мере до сих пор имеются основные предпосылки для возникновения подобных конфликтов.

Уже не унитарная — еще не федеративная

В числе таких предпосылок, прежде всего, необходимо отметить неразвитость федеративных отношений: федеральная власть, хоть и объявила о децентрализации власти, но по-прежнему тяготеет к унитаризму. Огромная Россия управлялась из одного центра, при этом Москва мелочно контролировала каждый шаг региональных властей. Средства, зарабо-

таные наиболее развитыми областями Центрального региона, Урала и Поволжья, а также сверхдоходы нефтедобывающей промышленности Тюменской области, расположенной в Западной Сибири, уходили в федеральную казну и назад в регионы возвращалась только малая часть, величина которой не имела связи с результатами производственной деятельности региона. Реально крупнейшими получателями государственных субсидий были парадные витрины социализма — столичные города Москва и Ленинград.

Неэффективность такого управления проявилась задолго до горбачевской Перестройки, а после распада Союза она превратилась в анахронизм. Старые экономические связи между территориями разрушились, централизованная система управления ослабела, вся сфера хозяйственной деятельности фактически сосредоточилась в руках местных властей, хотя юридически они по-прежнему были лишены властных полномочий. Центральная власть еще способна была собирать налоги с территорий, но все меньше могла помогать им. Нарастало недовольство регионов.

Первоначально требования регионов к федеральной власти носили форму конструктивных местных инициатив. Так, в начале 1991 г. свыше 150 российских административных единиц (областей, административных районов и даже отдельных городов) обратились к федеральным властям с просьбой об образовании на их территории так называемых "свободных экономических зон". Местные власти полагали, что за счет создания в таких зонах льготных условий налогообложения они смогут стимулировать приток инвестиций на данную территорию (19). Затея эта быстро провалилась, поскольку лишь небольшая часть городов и регионов объективно могла быть привлекательна для инвесторов, но "зонная лихорадка" показала, что регионы ищут и будут искать различные формы обретения экономической самостоятельности.

Федеральная власть должна была как-то отреагировать на эти процессы и в октябре 1993 г. президент Ельцин выступил с заявлением о необходимости пересмотра концепции осуществления экономической реформы и переноса центра тяжести экономических преобразований в регионы России. В это время была увеличена доля региональных бюджетов в консолидированном бюджете РФ (с 28% — в 1992 г. до 40% — в 1993) и несколько расширены права всех регионов во внешнеэкономической деятельности (20). Однако эти половинчатые и непоследовательные меры несколько не охладили недовольство регионов федеральной властью. Да они и не могли это сделать хотя бы потому, что разные регионы и от властей хотели разного. Богатые сырьевые регионы (в основном связанные с добычей нефти, газа, цветных металлов) добивались большей самостоятельности, особенно во внешнеэкономической деятельности, тогда как бедные аграрные большего протекционизма: повышения государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, льготных кредитов на приобретение химических удобрений, сельхозтехники и на оплату энергоносителей, ограничений импорта. Интересы разных регионов стали представлять различные партии, например, аграрных — аграрная фракция Верховного Совета РФ, а с 1993 г. — "Аграрная партия".

Как бы не обострялись противоречия между "богатыми" и "бедными", аграрными и индустриальными регионами, они не шли ни в

какое сравнение с нарастающим противоборством между национально-территориальными образованиями (автономными республиками, автономными областями и округами) и территориально — административными (краями и областями).

Потенциальный конфликт между автономиями и русскими регионами закладывался еще сталинской Конституцией 1936 г., соединившей два противоположных принципа государственного устройства — этнический и территориальный. Однако вся эта сложная и противоречивая конструкция не могла бы просуществовать 70 лет, если бы не была заведомо декларативной. Вне зависимости от того, как назывался регион — республикой или областью — управлялся он руководителем местного отделения коммунистической партии, напрямую подчиненного Москве. Автономные республики точно так же не имели ни малейшей самостоятельности, как и края и области. Когда же коммунистический режим рухнул, республики "вспомнили" о своих правах и попытались наполнить декларативные нормы сталинско — брежневской Конституции реальным содержанием. Вот тут то и обнаружились серьезные противоречия как внутри республик — между "титульными нациями" и "не титульными", не имеющими своих территорий, так и между регионами различного типа, по поводу неравенства их статуса, а, следовательно, и не равных прав у проживающего в них населения. Так, национальные автономии республиканского уровня имели свои конституции, свой парламент и даже право свободного выхода из федерации, тогда как края и области не обладали ни одним из этих прав. Эта борьба резко усилила дезинтеграционные процессы в России. При этом наибольшую угрозу ее целостности, на мой взгляд, представлял рост политических притязаний национальной политической элиты в республиках.

Дело в том, что к концу 1991 г. закончился период так называемого "мобилизационного" общества, наступил довольно длительный период политической усталости населения (21). В этих условиях единственным механизмом поддержания мобилизационной готовности населения могла выступать лишь "национальная идея", она же являлась и "наилучшим" идеологическим орудием сепаратизма. Увеличивая иррационализм массового сознания, национальная идея способна на какое-то время пригасить естественную потребность человека к бытовому комфорту и достатку во имя идеальных целей ("пусть нас ждут временные трудности после выхода из Федерации, но зато будем независимыми"). В период наивысшего подъема национальных чувств может развиваться и психология жертвенности ("готовы жизнь отдать за национальную независимость"). Поэтому национальные элиты в республиках Федерации, разыгрывая национальную карту, способны не только привлечь на свою сторону большие массы людей — представителей титульных наций, но и мобилизовать их для политической борьбы. Национальная идея по-разному использовалась для политической мобилизации населения в республиках Российской Федерации.

В некоторых республиках — радикальная националистическая оппозиция использовала рост национального самосознания и "антиимперские" настроения для того, чтобы прийти к власти. Примерно так было в Чечне после провала августовского путча, когда группа Дудаева свергла председателя ВС Чечено — Ингушской республики, а вскоре заявила

о выходе из состава Российской Федерации. Такое развитие событий, как правило, кончается вспышками кровавых конфликтов либо внутри само — провозглашенных государств (пример — Чечня), либо с окружающими территориями, как это было в Азербайджане, Грузии, Молдове.

Однако чаще всего националистические лозунги (умеренные) использовались для сохранения власти. При этом, прежние советские лидеры республик опирались одновременно как на недовольство населения "диктатурой" Москвы, так и на его опасения, что к власти могут прийти крайние националисты.

В 1990—1992 гг. все республики приняли декларации о суверенитете. Первыми это сделали еще в горбачевское время "пионеры" борьбы за суверенитет — Татарстан, Якутия и Чечено-Ингушетия. О серьезности их намерений обрести полную независимость могли свидетельствовать в этих республиках законодательные акты. Например, Конституция Татарстана определяет республику как "суверенное государство, субъект международного права", конституционный закон "О недрах" отнес всю государственную собственность на территории Татарстана, его недра с их содержанием к исключительной собственности республики, а постановление "О воинской обязанности и воинской службе граждан РТ" обязывает всех граждан Татарстана проходить воинскую службу только в границах республики.

После того как российские республики продемонстрировали "парад суверенитетов", также у краев и областей возникло непреодолимое желание повысить свой статус. В начале Вологодская и Свердловская области, а затем и ряд других русских регионов объявили о своем намерении провозгласить себя республиками. В октябре 1993 г. Свердловская область осуществила свою угрозу и приняла Конституцию Уральской республики.

На мой взгляд, концепция этой республики реальной опасности для целостности России не представляла. Основы государственного строя закрепляли на ее территории суверенитет России. Уральская республика не имела права выхода из России, не предполагала иметь армию, свою денежную единицу, да и вообще какие-либо признаки суверенного государства. Конституция Уральской "республики" отличается от конституций национальных республик в составе России тем, что безоговорочно признает верховенство российского права и федеральной государственной власти на своей территории (22). Да и тот факт, что высшее должностное лицо в этой "республике" именуется не президентом, а губернатором, свидетельствует о совместимости уральского новообразования с концепцией единого федеративного государства. Самое же главное, что население области ("республики") было абсолютно равнодушно к возне, затеянной местными властями. Людей можно было настроить в пользу республики, разве лишь начав против нее репрессии, тогда просто из чувства протеста уральцы могли консолидироваться вокруг идеи местной республики. Так и случилось после демонстративного отстранения от должности свердловского губернатора Э.Россея — уральцы почти единодушно избрали его в Совет Федерации и таким образом косвенно одобрили его программу "республиканизации" области.

Итак, во всех регионах России, как национальных, так и территориальных, накопилось немало объективных причин для недовольства

жестко централизованной системой государственного управления и оснований для требований расширения административной и экономической самостоятельности. Вместе с тем, в русских краях и областях эти требования, во-первых, не выходили за рамки сугубо экономических, во-вторых, были направлены на превращение унитарного государства в подлинно федеративное. К иным политическим требованиям привело накопление недовольства унитарным государством в национальных автономиях: здесь экономическая и административная самостоятельность рассматривалась местной политической элитой всего лишь как переходная ступень к полной независимости — к выходу из федерации.

Серьезную угрозу целостности государства представляла борьба двух ветвей власти, ставшая непримиримой к весне 1993 г. Каждая из сторон этого конфликта, нуждаясь в союзниках, стремилась привлечь в свой лагерь региональные власти. Последние, понимая свою значимость, стали запрашивать все большую цену за свою благосклонность. Татарстан, Башкирия и Якутия фактически прекратили выплату федеральных налогов (о Чечне и говорить не приходится); появилась опасность, что примеру неплательщиков налогов последуют другие регионы; обострилась проблема набора новобранцев в армию и осуществления прочих общефедеральных обязанностей регионов. Конфликт в высшем эшелоне вел к "расползанию двоевластия", к усилению противостояния между представительной и исполнительной властью в большинстве регионов Российской Федерации. Думаю, что к осени 1993 г. Россия стояла на пороге полного коллапса власти и неконтролируемого распада.

Можно по-разному оценивать трагические события октября 1993 г., но справедливости ради нужно признать, что конец двоевластия положил начало восстановлению управляемости государством. И дело не только в том, что центральная власть вновь обрела возможность использовать различного рода санкции против нарушителей федеральных законов, без опасения усилить лагерь внутривластной оппозиции. Главный итог октябрьских событий и последовавших за ними выборов в Федеральное собрание состоит, на мой взгляд, в том, что они подтолкнули исполнительную власть к изменению политической тактики, к поиску согласия и компромиссов как со своими внутривластными оппонентами, так и с представителями региональной элиты.

Одним из первых практических выражений новой концепции "согласия" стали договор "О разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан". Однако в свое время и М. Горбачев хотел наладить с республиками договорные отношения, начав "новоогаревский процесс", закончился он распадом СССР. Не приведет ли к аналогичным последствиям в Российской Федерации процесс, положенный договором с Татарстаном?

Грозит ли России судьба СССР?

Итак, политические процессы в России во многом напоминают те, что происходили в СССР накануне его распада. Вместе с тем нельзя не заметить и те особенности политического развития России, которые от-

личают ее от СССР и определяют собой большую вероятность сохранения территориальной целостности.

Начать с того, что против власти бывшего Союзного Центра выступали единым фронтом все без исключения республики бывшего СССР. Совершенно иная ситуация в России. Здесь края и области выражают все большее недовольство политическими привилегиями, которые имеют национальные образования. Кроме того, после распада СССР они уже успели ощутить те огромные трудности, которые возникают вследствие разрыва традиционных экономических связей, установления таможенных и политических барьеров, резкого увеличения транспортных тарифов при переезде из одного "независимого" государства в другое. Поэтому руководители краев и областей активнее других выступают за равенство всех субъектов федерации и за сохранение ее территориальной целостности.

Регионы могли ощутить некоторые негативные последствия сепаратизма и в самой Российской Федерации. Так, Калмыкия, Дагестан, Чеченская республика, некоторые другие стали предъявлять территориальные претензии соседним российским областям. К вооруженному столкновению (правда, быстро локализованному) привели территориальные споры между Северо-Осетинской и Ингушской республиками. Опыт независимости также охлаждает сепаратистские настроения в регионах России. Сегодня Чечня буквально надрывается под бременем своей независимости. Национальной консолидации чеченскому обществу хватило ненадолго. Как только исчез страх перед внешним врагом — Россией, тут же стали проявляться и усиливаться противоречия между различными регионально-клановыми и этническими общностями внутри республики. Дошло до того, что отдельные районы Чечни, прежде всего Надтеречный, сегодня отказываются подчиняться чеченскому руководству. В других национальных автономиях в случае их выхода из России могут возникнуть еще большие внутренние противоречия. Например, в Кабардино-Балкарии трудно разрешимые территориальные споры между двумя народами — кабардинцами и балкарцами, а в Дагестане территориальные претензии предъявляют друг другу едва ли не целая дюжина народов. И нужно сказать, что большинство руководителей национальных республик в составе России достаточно хорошо осознают опасность усиления внутренних противоречий в случае выхода их автономий из состава Федерации.

Союз распался в период наивысшего подъема национальных движений, но к 1993 г. наметился повсеместный спад национал-сепаратизма. Он доказал свою несостоятельность в управлении государством, в способности стабилизировать экономику, а главное — в способности обеспечить политическую стабильность в новых государствах. Что касается республик в составе России, то их пост-советские лидеры к этому времени перестали заигрывать с национальными движениями, рассматривая их как единственную опасность для удержания власти. В этих условиях правящая элита в республиках качнулась в сторону союза с федеральной властью, благо, что после прекращения двоевластия им стало понятно на кого делать ставку в Москве.

Изменение отношения к федеральной власти со стороны лидеров республик и, одновременно, развитие идеи гражданского согласия в качестве основной политической доктрины Кремля — все это в немалой мере

подготовило возможность подписания договоров между Центром и республиками о разграничении властных полномочий.

Первым был заключен такой договор с Татарстаном. Договор резко ослабил позиции радикально националистических сил в республике, которые до недавнего времени были одними из самых влиятельных в Российской Федерации. Однако их влияние основывается почти целиком на страхе населения перед образом "имперского врага". Договор между Москвой и Казанью сильно "притушил" этот образ в сознании татарстанцев и национал-сепаратистские движения буквально рассыпались. Не случайно на состоявшихся вскоре после подписания Договора выборах в Федеральное Собрание и в местные органы власти национальные движения практически не получили поддержки населения.

Несмотря на очевидные положительные последствия подписания договора с Татарстаном, споры вокруг него не утихают. Их основной предмет — границы допустимых уступок республикам. Как мне представляется, эти границы для федеральной власти задаются ее способностью контролировать основные рычаги влияния на регионы: финансовую систему, транспорт, магистральные трубопроводы и, разумеется, силовые структуры.

Так, по Договору Татарстан признан субъектом международного права. Сколько критики раздавалось по этому поводу, но оказалось, что зарубежные инвесторы не готовы вложить в Татарстан и рубля без гарантий Москвы.

Говорили, что Договор позволит Татарстану разбазаривать общероссийские ресурсы, бесконтрольно вывозить свою нефть за рубеж. Но в 1994 г. объем продажи Татарстаном нефти даже сократился что-то там случилось с общероссийским нефтепроводом — в некоторых случаях и технические устройства могут выполнять политические функции.

Основной упрек к договору со стороны догматических ревнителей целостности России состоит в том, что он якобы поднимает планку требований других регионов. Но как раз пример Татарстана доказывает, что переварить избыток суверенитета очень трудно, а у большинства других регионов экономические и политические желудки еще уже, чем у крупнейшей республики Поволжья с хорошо сбалансированным хозяйственным комплексом.

Перспективы сохранения целостности России в немалой мере связаны с особенностями ее этнического состава. Российская Федерация в отличие от СССР в целом достаточно однородна в этническом отношении: русские численно преобладают не только в Федерации, но и в большинстве ее республик. Лишь в шести из них народ, давший название республике, численно преобладает над русскими. Четыре таких республики на Северном Кавказе (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия), одна в Поволжье (Чувашия) и одна в Сибири (Тува), и, если есть некоторая вероятность отделения от России каких-то республик, то прежде всего именно этих. Правда, из числа потенциальных претендентов на выход следует сразу же исключить Северную Осетию, как единственную христианскую автономию на мусульманском Северном Кавказе. Эта республика в сложившейся ситуации не захочет выйти из России.

По иным причинам из названного списка следует исключить и Чувашию. Сегодня здесь нет политических сил, которые бы заявляли о стремлении бороться за независимость этой республики. Но даже если бы в Чувашии такие силы и появились, все равно вероятность выхода этой республики из Российской Федерации была бы очень незначительной. Чувашия относится к числу тех республик (а их в России большинство), которые не имеют самостоятельных внешних границ с иными государствами, следовательно, могут быть полностью блокированы Россией. Легче выйти из состава России тем республикам, которые находятся на ее окраине, а это значит, что Россия в худшем случае может лишь "обкрошиться" с краев, но не распасться на части.

Когда говорят, что преобладание русских в Российской Федерации не служит фактором, укрепляющим ее целостность, то в качестве подтверждения этому приводят примеры того, как русское население национальных республик не раз поддерживало процесс их автономизации. Что же, действительно, сегодня республики, находясь в относительно привилегированном экономическом положении (они платят меньше налогов в федеральную казну), могут поддерживать сравнительно высокий жизненный уровень населения на своей территории и формировать настроения в пользу большей автономизации. Но благополучные "автономные острова" в море нынешнего российского неблагополучия — явление временное, рано или поздно уровень жизни выровняется. Кроме того, поддержка русскими расширения региональной самостоятельности не означает их поддержки рецессии: слишком зримы для них негативные последствия "ухода" республик из России, поскольку известно положение русских во многих новых независимых государствах.

В целом опыт распада СССР оберегает от распада Россию. Еще год назад во многих республиках распад России рассматривался как неизбежность и чуть ли не благо. Сейчас ничего этого нет. Прошло время, и опыт пролитой крови миллионов беженцев подействовал на них отрезвляющее. Одновременно в российском общественном мнении спадал страх перед распадом Федерации и возможностью возникновения вооруженных конфликтов, связанных с распадом страны (см.табл.3).

Таблица 3

Как Вы считаете, насколько вероятны в ближайшие месяцы вооруженные конфликты в России?

год	1991	1992	1993 март	1993 сентябрь	1993 декабрь
вполне вероятны	55	51	37	35	27
вероятны	25	30	33	43	50

Разумеется, во взаимоотношениях Центра и республик немало проблем. Например, Татарстан выплатил в 1994 г. в федеральный бюджет в пять раз меньше налогов, чем было оговорено специальным соглашением. Но есть проблемы и проблемы. Сколь бы значительной ни была проблема отладки фискальных отношений между Москвой и республиками, все же

целостности страны она сегодня не угрожает. Однако волна национал—сепаратистских движений, спавшая ныне, может подняться вновь в ответ на рост имперского или унитаристского шовинизма.

*Еще советские — уже не "интернационалисты"**

Социологические исследования, проведенные в 1970—1980-х гг., указывают на поразительную особенность русских, отличавших их от большинства других этнических общностей — на редкость терпимое отношение к различным формам и сферам общения с другими народами.

В 1970-х гг. практически все опрошенные (90% и более) не придавали значения тому, с представителями каких национальностей они вместе работают, при этом такие межэтнические установки почти в равной мере проявлялись в городах России и других республиках. И даже в особо чувствительной к этническим различиям сфере брачных отношений (известно, например, что представители народов Средней Азии и Кавказа, особенно женщины, крайне редко вступают в межнациональные браки) русские были наиболее терпимы: если в Тбилиси и в Ташкенте не более 10—15% представителей титульных национальностей заявляли о своей терпимости к межнациональным бракам, то среди русских таких было свыше половины (23).

Известно, что существует национализм этнических меньшинств и большинства. Точно так же и противоположная национализму идеология — интернационализм может проявляться в тех же двух формах. Для меньшинств интернационализм является способом устранения этнических барьеров на пути к равноправию; для большинства — формой проявления или способом закрепления своего доминирующего положения.

Интернационализм меньшинств обычно проявляется в подчеркнуто демонстративной форме, вспомним воинствующий интернационализм большевиков, представителей этнических меньшинств (Дзержинского, Троцкого, Петерса, Орджоникидзе, Сталина — на ранних этапах революционной деятельности последнего). Интернационализм этнического большинства, напротив, незаметен и проявляется в форме безразличия к этническим особенностям народов. Вот и межнациональные установки русских можно охарактеризовать как этнический нигилизм, безразличие ("Мне все равно, я никогда не задумывался какой они национальности"). Сразу же отмечу, что не вкладываю негативный смысл в понятие этнический нигилизм, напротив, чем бы ни была обусловлена этническая терпимость русских — это то качество, постепенное ослабление которого вызывает у меня большие сожаления. Возможно, это одно из немногих позитивных, с моей точки зрения, проявлений "советского образа жизни".

Этническая терпимость практически всегда является следствием высокого самоуважения народа, отсутствия или слабой выраженности комплексов "неполноценности". У русских такое самоощущение вытекает из самой их истории (многовекового существования независимого государства), их численности (многочисленные народы, обычно меньше подвержены ощущениям дискриминированности, чем малочисленные) ряда

* Этот раздел написан совместно с Л.Д. Гудковым

других причин и, прежде всего, особого положения в Советском Союзе — "первого среди равных", "старшего брата" и т. д.

Уже к началу 1980-х гг. положение русских стало изменяться: в ряде республик, где еще недавно в составе коренных народов почти не было своей инженерно — технической интеллигенции и квалифицированных работников физического труда — республики Средней Азербайджан, Грузия, Молдова — к этому времени доля интеллигенции и квалифицированных рабочих в составе титульных национальностей значительно возросла и стала сопоставимой с удельным весом этих социальных групп в составе русского народа. Во многих союзных республиках усилилась этническая конкуренция наиболее престижных сферах деятельности и на "верхних этажах" социальной иерархии, в целом межнациональные отношения стали ухудшаться (см. табл. 4).

Таблица 4

Отношение русских к межнациональному общению в РСФСР и республиках (%)

Место проживания	Положительно относятся к работе в многонациональном коллективе		Не придают значения национальности	
	Начало 1970-х	Начало 1980-х	Начало 1970-х	Начало 1980-х
Саратов	94	89	73	64
Кишинев	88	79	77	67
Ташкент	87	86	51	55

Источник: Русские (этносоциологические очерки) / Под ред. Арутюняна Ю.В. и др. М., 1992. С. 418.

По формальным признакам, этническая терпимость в начале 1980-х гг. все еще преобладала у русского населения, при этом в национальных республиках ее показатели ненамного отличались от аналогичных в России. Лишь в наиболее чувствительной сфере брачных отношений, доля межнациональных браков за десятилетие заметно снизилась, особенно в тех республиках, в которых отношение к ним со стороны представителей коренных национальностей всегда было негативным. Однако уже в это время наметилось противоречие между растущим национальным самоуважением у представителей нерусских титульных национальностей, в прошлом отставших в развитии, и ослабевающим у русских. Новая национальная элита в союзных республиках, добившись равенства стала требовать привилегированного статуса для "коренных" народов в "своих" республиках, русские же, "опустившиеся" до равенства с другими народами, ощутили себя социально отстающими. Такая психологическая перестройка обычно вызывает межэтнические напряжения даже в странах с развитыми демократическими традициями (в Канаде, в Бельгии и т.д.), а в Советском Союзе крутая ломка этносоциального статуса грозила вылиться в острейшие этнические конфликты.

В 1980-х гг. русские ощущали возрастающее межнациональное напряжение прежде всего в союзных республиках. Однако и в самой Российской Федерации, например в Саратове, русские болезненно реагировали на новую ситуацию, их самолюбие было задето падением социальной роли представителей своей национальности в республиках, а затем и такими определениями их роли в республиках, как "оккупанты", "империалисты", "перекати-поле" и т. п., которые с конца 1980-х гг. все чаще стали употреблять лидеры национальных движений.

Далее "включились в работу" обычные механизмы перестройки психологических норм. Этот процесс, как правило, начинается в крупнейших городах, распространяясь затем вглубь, вплоть до глухой деревушки. Неслучайно в Москве доля людей с благоприятными межнациональными установками среди русских была в 1,5 раза ниже, чем в других городах РСФСР; молодежь перестраивается быстрее пожилых людей — негативные установки у людей до 25 лет встречались почти вдвое чаще, чем среди лиц старше 50 лет (25% против 13) (24).

Значительный вклад в "разогрев" негативных национальных чувств русских, в развитие комплекса ущербности внесли идеологи русского национализма, хоть и называвшего себя патриотизмом, но по сути далекого от патриотических идеалов — любви к России как Родине всех проживающих здесь народов. К концу 1980-х гг. идеология национал—патриотизма (по сути национал-шовинизма) стала получать все большее распространение, вначале со страниц полуреспектабельных ("Наш современник", "Молодая гвардия"), а затем — множества бульварных откровенно ксенофобных изданий.

Демократическая общественность России, в конце 1980-х гг. видела в качестве своего основного политического союзника так называемые "национал-демократические движения", боролась против коммунистической империи за право угнетенных наций на самоопределение, а проблеме ухудшения национального самочувствия русских сводила исключительно к "проискам" национал-шовинистических сил и их пропаганды.

Обострение экономического кризиса в СССР, а затем его распад обусловили целый ряд дополнительных факторов, ухудшающих этнические настроения русских. Опросы ВЦИОМ зафиксировали значительное ухудшение межнациональных установок практически всех этнических сообществ в СССР, начиная со второй половины 1980-х гг. Так, в 1989 г. признаки ксенофобии, еще слабо ощущавшиеся в 1970-х гг., обнаруживали примерно 20% населения СССР (причем в самой России эти показатели были намного ниже, нежели в республиках, население которых акцентировало свою особость и границы между разными этническими группами). В 1990 г. в России показатели национальных антипатий выросли до 35—40%, а в 1993 г., накануне октябрьского мятежа в Москве, распространенность ксенофобных настроений (особенно в отношении приезжих с Кавказа или цыган) проявлялись у 48—54% опрошенных, варьируя в зависимости от возраста и региона России.

Недовольство и разочарование властью (как символической основы советского самосознания); исчезновение старых границ, и соответственно, "переопределение" прежней территориальной общности — СССР; вооруженные межнациональные конфликты вблизи границ Российской

Федерации и массовые миграции населения в Россию (идушие, впрочем, уже в течении последних десяти лет, особенно из Закавказья и Средней Азии); а, главное, напряжение, связанное с сознанием собственной неспособности жить по правилам наступающей рыночной экономики, зависть и неприязнь в отношении предприимчивости и активности — все это вызвало развитие массовых комплексов и фобий, различные элементы которых в начале 1994 г. обнаруживали почти 75% опрошенных в России.

Можно выделить три типа основных проявления ксенофобии среди русского населения:

1. Абстрактный комплекс обиды — представление о русских как о народе обижаемом, обманываемом, эксплуатируемом (без точного представления о том, кто обидчик: коммунисты, начальство, инородцы, Запад и т.д.), короче, "все едут на бедном Иване", " тянули с нас все что можно, а теперь — русские, славяне во всем виноваты", но "русский мужик терпелив, всегда все сносил" и т.д.

2. "Антизападничество" — мнение о распродаже национальных богатств России, растаскивании их иностранцами, неприятие всего иностранного (товаров, культуры, нравов и пр.), представление о том, что реформы инспирированы "агентами влияния" (ЦРУ, США, Израиля и т.д.) или выгодны лишь Западу; в наиболее радикальном варианте — это идеи о направленном уничтожении — "геноциде" — или тайном плане, долженствующем вызвать деградацию русских.

3. Этнофобии — представление о том, что в бедах, постигших Россию, повинны в той или иной степени инородцы (нерусские или неправославные люди), что нерусские в России пользуются слишком большими правами, злоупотребляют представленными им возможностями; эта ксенофобия особенно остро проявляется в отношении чеченцев, азербайджанцев, армян, грузин и других этнических групп, образовавших достаточно эффективные структуры этнического предпринимательства в городах России, а потому часто вызывающих чувства зависти и недоброжелательства; в крайнем варианте — утверждения, что русские в России должны обладать большими правами, чем другие этнические группы.

Опросы ВЦИОМ (февраль 1994 г.) позволяют количественно определить соотношения групп населения, охваченных теми или иными фобиями (страхами). Список "врагов" России, по мнению опрошенных, выглядит следующим образом:

1. Мафия, уголовные преступники, коррумпированное чиновничество — 21;
2. Запад (США, НАТО, ЦРУ, иностранный бизнес, влияние западной культуры, западный образ жизни и пр.) — 15%;
3. Правительство, власти разного уровня — 11%;
4. "Мы сами себе враги" ("наши лень, пьянство, грубость, неспособность к рациональной и продуктивной работе" и пр.) — 8%;
5. Старая номенклатура, партократия, бюрократы — 6%;
6. Жириновский, ЛДПР — 5%;
7. Коммунисты, компартия — 5%;
8. Инородцы (кавказцы, мусульмане, цыгане, прибалты, евреи и др.) — всех в целом назвали лишь 4% опрошенных.

Анализ фобий, присущих сегодня довольно широкому слою российского населения и именуемых зачастую "русским национализмом", показывает, что явление это мало соответствует общепринятому содержанию понятия "национализм". В нем слабо представлено основное политическое содержание национализма — идея создания национального (этнократического) государства; слабо выражена этническая нетерпимость, этнические фобии.

В то же время, в массовых формах проявления "русского национализма" заметны основные признаки разлагающегося советского менталитета. Та же бедность идеологического фонда, традиционный образ внешнего врага ("Запад", "мировой сионизм", "НАТО" и др.). Он наделяет его носителей чувством превосходства по отношению к представителям других социальных и этнических групп, являющегося своего рода коллективистской компенсацией за убожество существования каждого в отдельности. "Русский национализм", как и традиционно советский менталитет, проникнут духом патернализма — государственного покровительства по отношению к избранным группам (то ли к пролетариату, то ли к русским). Этот "национализм" государственен: так же, как и советское самосознание, он базируется на представлении о великой державе как громадной по территории и численности населения, с устрашающей армией, как символе государственного могущества.

На наш взгляд, то, что обычно называют "русским национализмом", на самом деле представляет собой консервативную реакцию на разложение институциональных основ советского общества; болезненную форму адаптации к новым экономическим и геополитическим реалиям, это своеобразная фобия — "фобия нового".

Существует ли опасность развития этой фобии в ярко выраженный национал-шовинизм и его массовое распространение? Теоретически возможны три сценария такого развития политических событий, которое могло бы привести к росту влияния русского национализма в Российской Федерации.

Сценарий 1. "Расползание национализма" из очагов наивысшей его активности.

Детонатором вспышки русского национализма могут выступать маргинальные группы русского населения. К их числу, прежде всего относятся представители русской диаспоры в "ближнем зарубежье". Уровень недовольства реальными и мнимыми проявлениями национальной дискриминации здесь намного выше, чем в России, на этой основе в ряде регионов бывшего Союза, прежде всего в Крыму, в Северном Казахстане, в Приднестровье, развивается особая разновидность национализма — русский ирредентизм — движение за присоединение этих территорий к России. Именно на ирредентистские движения делают основную ставку национал-шовинистические движения. В случае возникновения в названных регионах открытого конфликта между ирредентистским и националистическими движениями титульных национальностей в России может сработать естественный механизм этнической солидарности ("наших бьют"), который, как показывает опыт многих новых независимых государств, быстро распространяется в этнических сообществах, особенно в условиях обострения социально-экономических кризисов.

Источником обострения межнациональной напряженности и роста русского национализма могут стать и русские беженцы из зон конфликтов — их сегодня около 1,5 млн. чел., и значительная их часть концентрируется в наиболее конфликтной для России зоне — на Северном Кавказе. Кроме того, среди беженцев велика доля лиц с радикальными националистическими ориентациями.

Детонатором взрыва националистических чувств может выступить и такая особая группа русского населения, как казачество, особенно его военизированные формирования на Северном Кавказе, где они вступают в непосредственное соприкосновение с другими вооруженными формированиями, например, с Конфедерацией народов Кавказа.

Таким образом, в случае резкого ухудшения этнополитической и экономической ситуации в соседних с Россией государствах СНГ и увеличения вследствие этого массового притока беженцев, усиления русского ирредентизма или же в случае обвального ухудшения экономической ситуации в самой России и спровоцированного этим развития сепаратистских тенденций, можно было бы ожидать вспышки национализма как русского, так и не русского населения.

Сценарий 2. "Экспансия номенклатурного национализма". Под "номенклатурным национализмом" мы понимаем идеологию той части прежней политической элиты (как правило, второго, третьего эшелона), которая сегодня возвращается в органы управления как в Москве, так и в регионах, или, находясь у власти с 1991 г., перестала стесняться своих националистических воззрений, открыто их провозглашая.

Эти группы являются не только носителями советских стереотипов и предрассудков (антизападничества, антисемитизма, антиисламизма и др.), но и прагматически заинтересованы в определенном росте националистических настроений в обществе. Это позволяет им: во-первых, перекладывать вину за собственные промахи в управлении на предшественников, политиков "гайдаровского призыва", которых они обвиняют в измене национальным интересам России в угоду Западу; во-вторых, лоббировать интересы той группы предпринимателей, которая заинтересована в государственном протекционизме под предлогом защиты от запада "истинно русского" предпринимательства; в-третьих, самим защищаться от возможной конкуренции инородцев, от посягательств на их место в чиновничьем мире, а в некоторых случаях и от критики, под предлогом того, что их критикуют "за верность национальной идее".

Главная же опасность "номенклатурного национализма" состоит в том, что он резко снижает уровень морально и административно запретного в сфере межнациональных отношений и открывает дорогу произволу. Так, если в каком-нибудь центральном учреждении будут замечены случаи отказа от приема на работу по национальному признаку, то это быстро распространится и на периферии; если мэр крупного города отдает распоряжение о превентивном выселении кавказцев, лишь подозреваемых в преступных намерениях, то, несомненно, его примеру последуют, и в русской глубинке; если с парламентской трибуны можно услышать оскорбление в адрес нерусских народов, то чего же ожидать от завсегдаев пивных.

Зачастую "номенклатурный национализм" оправдывает свои действия необходимостью для нынешней власти перехватить у национал-шовинистов инициативу в защите законных интересов русского народа. Признавая необходимость для властей уделять больше русской проблеме, мы не можем согласиться с идеей заимствования националистических лозунгов или хотя бы интонаций. Такое заимствование было бы губительным для нынешней власти — оно, разумеется, не прибавило бы ей почитателей в стане национал-шовинистов и резко сократило бы поддержку в либерально-демократических кругах и в целом лишь усилило бы кризис доверия к власти.

Ключевые фигуры в Кремле прекрасно осознают это, поэтому значительный рост влияния "номенклатурного национализма", а, по сути, перерождение нынешней власти — "тихий переворот" — представляется нам маловероятным

Сценарий 3. "Усиление политической роли русского национализма в результате победы на выборах".

Вначале рассмотрим один из вариантов осуществления этого сценария — победа националистических сил на парламентских выборах. При этом будем различать два проявления национализма:

1) "национал-популизм" — использование элементов националистической идеологии различными партиями как тактического инструмента предвыборной борьбы;

2) "национал-фашизм" — наиболее последовательное проявление национализма, положенное в основу программ наиболее радикальных партий и движений (характеристику некоторых из них см. в Приложении).

Об усилении влияния национал-популизма красноречиво свидетельствуют итоги выборов в региональные органы власти (ноябрь 1994 г.), а также сравнительный анализ электоратов разных политических партий в последние месяцы (перед выборами 12 декабря 1993 г. и после). Если еще в сентябре 1993 г. можно было говорить, что избиратели "демократов" и избиратели "коммунистов" или "жириновцев" — полярны по своим национальным установкам и резко различаются удельным весом этнических предрассудков, то спустя несколько месяцев приходится говорить, что различия в этом отношении исчезли. У сторонников самых разных по политическим программам партий наблюдается практически один и тот же уровень ксенофобии и национальной ущемленности. Иначе говоря, ксенофобия стала почти нормой политической жизни и перестала быть политически дифференцирующим фактором. В то же время победа на парламентских выборах национал-фашистских сил представляется нам малореальной, поскольку допускает возможность радикального изменения преобладающих ныне тенденций.

Социологические опросы показывают, что и сегодня русские национальные (радикально-шовинистические) движения поддерживают не более 1 — 2% россиян — это ниже, чем уровень поддержки национальных движений в большинстве государств СНГ. Показательно и то, что русское население, проживавшее в зонах вооруженных этнических конфликтов, ни в одном из них не выступало в качестве непосредственно вовлеченной стороны.

Спад массовой политической активности за последние два года также подтверждает общий вывод о малой вероятности мобилизации русских под лозунгами защиты русской национальной идеи. За три последних года количество политически ангажированных респондентов упало более, чем в шесть раз — с 25 до 4%. Параллельно этому шло постоянное сужение базы пассивной готовности к национальной мобилизации — вдвое уменьшилась доля тех, кто заявлял: "Политика меня не интересует, но в случае необходимости всегда готов выступить на защиту своего народа". Если победа национал-радикальных сил представляется нам маловероятной даже на парламентских выборах, то еще больше сомнений вызывает возможность прихода к власти национал-фашистов по итогам президентских выборов. Поскольку население осознает большую значимость роли Президента по сравнению с парламентом, оно, как правило, значительно ответственнее относится к выборам главы государства. Такой прогноз не стоит рассматривать как призыв к благодушию и бездействию, адресованный государственным организациям и демократическим силам. Весь предшествующий анализ должен был показать, что проблемы в среде межнациональных отношений с 1991 г. в России не ослабли, со временем меняется лишь относительная значимость этих проблем. Сегодня наибольшая опасность для общества связана с массовой ксенофобией как питательной средой развития национал-популистской политики.

3. КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИИ КАК ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ**

Ухудшение межнациональных отношений во многих регионах России является следствием как ее тоталитарного прошлого, так и сегодняшних проблем, прежде всего — социально-экономических трудностей, неразвитости гражданского общества, медленной децентрализации власти, а также использования определенными силами национальных проблем для достижения корыстных политических целей.

Множество национальных проблем обусловлено несовместимостью двух изначально положенных в основу государственного устройства Российской Федерации принципов: национально-территориального и территориально-административного.

Попытки в новых условиях наполнить реальным содержанием таких понятия, как: "право наций на самоопределение" и "национальное государство" привело, во-первых, к противоречиям между национальными республиками и прочими субъектами федерации; во-вторых, к внутренним противоречиям в национально-территориальных образованиях, вызванных, в частности, разделением жителей одной республики на представителей так называемых "титულных" и "нетитулных", "коренных" и "некоренных" национальностей. Иными словами, в России, проявились те

** В основу данного раздела положен первый, неопубликованный вариант материалов, подготовленный автором для "Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию" (1994 г.), раздел 3.3 - "федерализм и межнациональное согласие".

же проблемы, которые в других государствах (Югославии и ряде республик бывшего СССР) привели к кровавым конфликтам.

Опыт этих государств свидетельствует, что доктрина этнонационального государства, понимаемого как право этнической общности на "свою" государственность, трудно реализуема в сложных по этническому составу обществах, ведет к этническим конфликтам и массовым вынужденным переселениям людей. В то же время, пример ряда государств — Азербайджана, Грузии, Молдовы — показал, что попытки упразднить национально-территориальные образования или понизить их статус, приводят к резкой дестабилизации политической обстановки в государстве вплоть до гражданских войн. К подобным последствиям могла бы привести и реализация распространенной идеи о ликвидации существующих республик в составе Российской Федерации и включения их в состав, более крупных административно — территориальных образований (земель).

Преодоление противоречия между неадекватностью современным условиям этнонациональной формы государственного устройства, с одной стороны, и их реальной укорененности в политической структуре Российской Федерации в сознании многих людей — с другой, возможно на основе новых представлений о нации и национального самоопределения.

В мировом сообществе все больше утверждается понятие нации не как особого типа этнической общности, а согражданства, т.е. сложного по этническому, религиозному и расовому составу населения, объединенному общими территорией и гражданством. Такое понимание нации нашло отражение в Конституции демократической России, провозгласившей самоопределение Российской Федерации от имени всего ее многонационального народа, носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве. Точно также самоопределение субъекта федерации осуществляется от имени всего его многонационального населения.

Основная форма самоопределения — это право представителей всех национальностей представлять и отстаивать через общегосударственный механизм власти свои интересы и развитие своей культуры. Лишь в случае невозможности осуществления этих прав национальные группы имеют основания требовать отделения от государства. Таким образом, целостность государства, с международно-правовой точки зрения, наилучшим образом обеспечивается проведением демократической национальной политики, направленной на поддержание единства гражданского общества и многообразия его этнических составляющих.

В основу такой политики могут быть положены следующие принципы:

1. Принцип национального паритета и межнационального партнерства — предполагает равенство республик и других субъектов федерации по отношению к федеральной власти и равенство прав и свобод всех граждан вне зависимости от их национальности. Это значит, что ни одна этническая группа не может обладать исключительным правом на контроль над территорией, институтами власти и природными ресурсами. Равенство прав обуславливает необходимость принятия согласованных решений, учитывающих интересы различных национальных групп.

2. Принцип национальной самоорганизации означает создание государством условий, позволяющих представителям различных национальностей са-

мостоятельно определять и реализовывать свои социально — культурные цели, защищать свои права и свободы, создавать свои ассоциации, общества и другие институты гражданского общества.

Важнейшим условием свободной национальной самоорганизации народов России является ее федерализация. Расширение регионального суверенитета и местных полномочий делают институты власти и службы государства более близкими и более чувствительным к запросам различных этнических групп, живущих в одном государстве. Федерализм, повышая эффективность региональных экономических комплексов и использование местных ресурсов, создает экономические предпосылки для самостоятельного решения народами своих национальных проблем; подразумевая развитие местного самоуправления, уменьшает возможность вмешательства центральных и региональных властей в жизнь национальных сообществ, повышает ответственность местных руководителей и одновременно снижает возможность перенести ответственность за свои ошибки на другие территориальные и этнические общности, тем самым уменьшает недоверие между национальными группами и вероятность возникновения на этой основе конфликтов.

Самоорганизация этнических общностей, не имеющих своих национально-территориальных образований на территории Российской Федерации или проживающих за пределами таких образований, возможна в форме национально-культурных автономий (НКА). В их концептуальной основе лежит положение, что национальные права закрепляются не за территориями, борьба за которые является источником межнациональных распрей, не за общностями, а за индивидами, свободно вступающими в объединения с представителями своей национальности в целях сохранения и развития важнейших компонентов национальной идентичности — таких, как традиции, язык, самосознание и др. НКА могут развиваться в двух основных формах: экстерриториальной (национальные ассоциации, союзы, общества) и территориальной (национальные районы, общины, землячества).

Первоначально в национально-культурной автономии видели, в первую очередь, форму политического представительства этнических меньшинств в федеральных органах власти, т.е. своеобразный вариант введения "этнических квот". В современных условиях России предпочтительнее иная трактовка НКА, цели которой сосредоточены, в основном, на удовлетворении культурных, духовных потребностей народов. Эти цели реализуются не столько через управленческие структуры, сколько через низовую общественную инициативу и самоорганизацию.

Правительству и Федеральному Собранию предстоит определить правовые основы деятельности различных форм национально-культурных автономий и разработать процедуры диалога полномочных представителей национально-культурных объединений с органами государственной власти. Важно также создать надежные правовые и организационные механизмы, гарантирующие строгое выполнение достигнутых договоренностей.

3. *Принцип национального патернализма* — состоит в обязанности властей — федеральной региональной и местных защищать права человека в национальной сфере и оказывать преимущественную поддержку наименее

защищенным этническим группам. Прежде всего это особая группа этнических меньшинств, обозначаемая в международно — правовых документах как "народы, ведущие традиционный образ жизни". Уже сама терминология свидетельствует о том, что национальная самобытность этой категории граждан наименее защищена от некоторых разрушительных влияний современной цивилизации. Особую опасность для них представляет агрессивность молодого российского предпринимательства. При слабом государственном контроле она зачастую ведет к переэксплуатации природных ресурсов, к разграблению культурных ценностей, к подрыву всей системы традиционного жизнеобеспечения малочисленных народов. Поэтому государство в лице властей разного уровня должно срочно взять на себя задачу контроля и сохранения уязвимых этнических культур и общин, особенно в регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока..

Первоочередная государственная поддержка необходима также всем этническим категориям беженцев и вынужденных переселенцев из зон межнациональных конфликтов. Особенно остры их проблемы в районах наибольшей концентрации беженцев и переселенцев, в первую очередь, на Северном Кавказе.

По всей территории Российской Федерации в обязанности органов государственной власти всех уровней входит организация просвещения, образования и информации на родных языках народов России; финансирование и осуществление программ по сохранению и развитию национальных традиций и культуры. Государство обязано защитить своих граждан от разрушительной пропаганды национального насилия, фашизма, расизма и ксенофобии.

В Российской Федерации, в отличие от многих других государств СНГ, не возникали крупные вооруженные конфликты. Во многом это стало возможным благодаря тому, что федеральная власть проявила достаточную выдержку и благоразумие, позволившие избежать перерастания конституционных конфликтов с рядом республик России в вооруженную конфронтацию, и проявила решительность в принятии мер по локализации и замораживанию осетино-ингушских столкновений осенью 1992 г. В той ситуации именно экстренные действия российского руководства позволили не допустить превращения локальных столкновений в полномасштабный вооруженный конфликт, грозивший охватить значительную часть Северного Кавказа. В настоящее время имеются политические предпосылки для нормализации осетино-ингушских отношений. Воплощение в жизнь этих предпосылок во многом будет зависеть от участия Федерального Собрания и конструктивности его позиции в вопросе об урегулировании территориальных и межэтнических противоречий.

Важную роль в предотвращении и урегулировании конфликтов призваны сыграть общественные организации и независимая пресса. Правдивое и профессиональное освещение культуры, быта, жизни народов Российской Федерации является одним из существенных условий межнационального мира. Средства массовой информации должны также помочь обществу понять истинные причины возникновения межнациональных конфликтов. Однако абсолютно нетерпимы те случаи, когда пресса берет на себя роль суда, беспелециозно определяющего виновность

одной из сторон конфликта. Подобные публикации не раз приводили к обострению межнациональных отношений.

Органам государственной власти предстоит разработать целостную концепцию и программу государственной политики России по предотвращению и урегулированию межнациональных конфликтов. В ее основу должен быть положен принцип приоритетности политических средств разрешения возникающих противоречий. В то же время государство обязано использовать все законные средства, включая силу, для немедленной локализации возникающих вооруженных столкновений, разоружения незаконных военных формирований, пресечения деятельности организаций и лиц, проповедующих национальную рознь и призывающих к насилию.

В качестве особой задачи национальной политики необходимо выделить проблемы самой многочисленной этнической общности России — русских. От их национального самочувствия во многом зависит сама возможность сохранения целостности государства и предотвращения разрушительных межнациональных конфликтов.

Русские, составляя абсолютное большинство населения Российской Федерации, оказывают решающее влияние на политическую жизнь страны — именно их голосами главным образом избираются Президент России, Федеральное Собрание, власти в большинстве субъектов Федерации. Русским не угрожают ассимиляция, забвение родного языка, утрата национальной самобытности.

В то же время существует опасность ухудшения национального самочувствия русских, развития комплекса обиды, этнофобий и целенаправленного разжигания национальной нетерпимости шовинистическими силами в корыстных политических целях.

Нельзя отрицать наличия ряда объективных проблем, с которыми сталкиваются русские, особенно в некоторых республиках Российской Федерации и в районах, граничащих с зонами межнациональных конфликтов. В этих районах по отношению к русским применимы все перечисленные принципы национальной политики: национального паритета с другими народами на территории всех субъектов федерации, в частности, равенства в использовании родного языка в официальных сферах, участия в политической и культурной жизни, в возможности национального самовыражения; самоорганизации в различных формах, государственная поддержка, например, программ возрождения регионального многообразия русской национальной культуры и, разумеется, государственная поддержка русских переселенцев.

В целом политика национального плюрализма и межнационального согласия должна занять одно из ведущих мест в государственной стратегии развития Российской Федерации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Радикальные национал—шовинистические и фашистские организации в России

По оценкам экспертов, в России насчитывается несколько десятков организаций, близких по политическим программам к шовинистическим и фашистским. В основном это крайне малочисленные, неустойчивые по

составу, нелегальные, а, главное, практически бездействующие организации. У большинства из них нет своих печатных органов; между группировками и организациями сильны разногласия, и на сегодняшний день консолидация таких организаций в единый национал-патриотический фронт представляется маловероятной.

Между тем, среди организаций указанного направления есть и такие, которые насчитывают более ста членов и имеют четко выраженную организационную структуру. Прежде всего, следует отметить следующие три наиболее радикальные организации.

1. Русское национальное единство (РНЕ).

Фашистская организация (фактически боевой отряд) с жесткой структурой и дисциплиной (руководящая группа — "соратники", каждый из которых стоит во главе "десятки" "сподвижников", которые в свою очередь стоят во главе "десятков" "сочувствующих"). В организацию не допускаются евреи, цыгане, кавказцы и тюркские народы. Боевая организация РНЕ на сегодняшний день считается наиболее сильной, многочисленной, дисциплинированной и обученной среди прочих подобного рода. Практически у всех членов РНЕ имеется личное оружие.

Лидер РНЕ, бывший активист движения "Память", изгнанный оттуда по подозрению в сотрудничестве с КГБ, преподаватель каратэ Александр Баркашов. В партии его называют "фюрером". Эмблема РНЕ — свастика, повернутая против часовой стрелки. Организация насчитывает примерно 100 — 200 чел. С 1992 г. РНЕ издает газету "Русский порядок".

2. Национально-республиканская партия России (НРПР).

Радикальная национал-шовинистическая организация — в программе и идеологии присутствуют идеи монархизма, империализма и тяга к созданию в России жесткого авторитарного режима. НРПР имеет военизированную организацию — Русский национальный легион. Боевики НРПР воевали в Южной Осетии, Приднестровье и Абхазии. Партия имеет сеть региональных организаций, в том числе и в некоторых крупных городах России — Москве, Санкт-Петербурге и Вологде. Партия зарегистрирована в Министерстве Юстиции.

Председатель Центрального Совета НРПР — Николай Лысенко депутат Госдумы. Партия издает две газеты: "Голос России" и "Наше время". Секретариат ЦС НРПР расположен в Санкт-Петербурге. Численность — несколько сот человек.

3. Национал-социальный союз (НСС).

Откровенно нацистская организация, насчитывающая до 100 членов. Проповедует идеологию расизма и фашизма: высшая раса — славянство. Члены НСС считают себя "истинными арийцами". Лидер Виктор Якушев — председатель Коллегии НСС из девяти человек. Боевиков у НСС нет, хотя Якушев заявляет, что каждый из членов его организации "морально готов к убийству". НСС не ведет активной партийной деятельности. Практически все ее члены работают в коммерческих структурах и хорошо обеспечены материально. Якушев считает, что их время наступит примерно через два — три года. Пока же члены НСС заняты своей материальной и моральной подготовкой, дабы встретить это время "сильными людьми".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зюганов Г.* Драма власти. М., 1994. С.202.
2. *Жириновский В.* Что мы предлагаем. Предвыборная программа ЛДПР // Юридическая газета. N 40— 41. 1993. С. 4.
3. Из беседы А.Проханова с В.Жириновским (Завтра. 1994. N 6.)
4. Там же.
5. *Зюганов Г.* Указ. раб. С. 184.
6. Наше время. 1993. 12 апреля.

7. Из "Кодекса чести" партии "Русское национальное единство" // Русский порядок. 1993. 19 декабря. С.28.
8. Наиболее определенно сформулированный российский вариант "доктрины Монро" см.: *Мигранян А.* Россия и ближнее зарубежье. Все пространство бывшего СССР является сферой жизненных интересов России // Независимая газета. 1994. 18 января.
9. См., в частности: *Alexandrova O., Vogel H.* Russlands Politik gegenueber dem "nahen Ausland". Restauration vor Konsolidierung // Eukopa — Archiv. 1994. F.5. S.132-140; *Simes D.* The Return of Russian History // Foreign Affairs. 1994. N 1. P. 67 — 82; *Бжезинский З.* Преждевременное партнерство // Независимая газета. 1994. 20 мая.
10. *Кириченко В.Н.* О тенденциях к экономической реинтеграции в СНГ. Выступление на заседании Немецко-российского форума. Бонн, 23 июня 1994.
11. Там же.
12. *Загорский А.* Концепция "ближнего зарубежья" в российской внешней политике: источники, цели, инструменты, проблемы. Выступление на заседании Немецко — российского форума, Бонн, 23 июня 1994.
13. *Овчинников Р.* СНГ не обуза для Москвы // Независимая газета. 1994. 16 апреля.
14. См. материалы конференции "Преображенная Россия". МИД России, Москва, 26 — 27 февраля 1992 г. // Международная жизнь. 1992. N 3 — 4.
15. *Загорский А.* Указ. раб.
16. За исключением специально оговоренных случаев приводятся материалы опросов ВЦИОМ, любезно предоставленные автору руководителем опросов Л.Д.Гудковым.
17. Русские (этносоциологические очерки) / Под ред. Арутюняна Ю.В. и др. М., 1992. С.415.
18. *Ольшанский Д.* Политическая психология распада // Независимая газета. 1992. 16 января; *Пайтс Р.* Русский шанс // Столица 1992. N 27; *Шевцова Л.* Ловушка для президентов // Литературная газета. 1993. 30 июня.
19. Регионализм как новая мировая тенденция. Сб. научных трудов Института мировых экономических и политических исследований РАН. Москва. 1993. С.33-34.
20. Там же. С.35-36.
21. Что такое мобилизационное общество? Жизнеспособность советского общества обеспечивалась постоянными механизмами поддержания мобилизационной готовности населения, прежде всего к чрезвычайным положениям — отражению военной агрессии, осуществлению революционных миссий, защиты социалистических идеалов и пр. (эта готовность в наиболее концентрированной форме отражена в девизе пионеров: "Будь готов!" — "Всегда готов!"). Остатки этой готовности были использованы "демократами" в 1988—1991 гг., привлечшими к себе лозунгами необходимости реформ довольно широкий спектр социальных сил, отличавшийся от прочих групп населения своим более высоким уровнем образования и квалификации, концентрацией в столицах и крупных городах. Однако уже к концу 1991 г. весь резерв старой советской мобилизационной готовности был истрачен. Так случилось, что вместе с СССР закончился и период так называемого "мобилизационного общества". См.: Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993.
22. Конституция Уральской республики. Екатеринбург, 1993.
23. См.: Русские (этносоциологические очерки). С. 419—421.
24. Там же. С.420